

DOI: 10.17976/jpps/2018.04.03

ИМПЕРИЯ КАК ПОНЯТИЕ И КОНЦЕПТ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В.В. Шишков

ШИШКОВ Василий Валерьевич, кандидат политических наук, доцент, доцент Института права и национальной безопасности РАНХиГС, Москва. Для связи с автором: fh55@mail.ru

Шишков В.В. Империя как понятие и концепт современной политической науки: проблемы интерпретации. – Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 22-36. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.03>

Статья поступила в редакцию: 19.10.2017. Принята к печати: 27.03.2018

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с актуализацией темы империи в современных политических исследованиях применительно к текущим политическим процессам. Империя исследуется в качестве понятия политической науки и концепта. Понятие “империя” обозначает особый тип государства, которому присущи универсалистские политические притязания и структура политических институтов, обеспечивающая концентрацию власти и ее ресурсов. Концепту “империя” присущи негативные коннотации, а также неоднозначность трактовок применительно к современности. Рассматриваются две основные трактовки империи: идеократическая и центр-периферийная. Показаны ограничения методологического характера, связанные с попытками их применения при анализе современных политических институтов. Так, применение центр-периферийного подхода ведет к размыванию представлений о самом центре как субъекте политики и управления. Идеократическая трактовка концепта “империя” ограничена современными тенденциями деидеологизации государства. В американской политической науке концепт “империя” актуализирован в связи с апологией роли США в постбиполярной мировой политике, их стремлением установить мировую гегемонию. При этом концепт “империя” фактически замещает устоявшийся категориальный аппарат исследований международных отношений и призван подчеркнуть уникальный, по мнению зарубежных исследователей, характер доминирования США. В других трактовках имперского в его современных проявлениях проводится отождествление его с великодержавием как характеристикой ряда современных государств и их союзов. В этих построениях критерии имперского четко не определены, что нивелирует их теоретическую значимость. В статье делаются выводы о серьезных теоретико-методологических трудностях интерпретации империи в качестве концепта современной политики, связанных не только со сложностью самого феномена империи, но и с тем, что рассмотренные попытки предпринимаются на основе представлений об империях эпохи империализма, особого периода, характеризующегося доминированием государств-империй. Представляется перспективным рассматривать “империю” как способ концептуализации политики, в основе которой находятся особые политические интересы, а ее реализация возможна в случае легитимизации ее имперского характера.

Ключевые слова: империя; империализм; глобализация; центр-периферия; миросистема; центр силы; сверхдержава; гипердержава.

В начале прошлого века, то есть всего около ста лет назад, империи были наиболее развитой и устойчивой формой государственности и играли ведущую роль в мировой политике, обладали наибольшей военной мощью и политиче-

ским влиянием. Противостояние империй было осью мировой политики, с ним связан ряд международных кризисов и, в конечном счете, оно привело к Первой мировой войне, основными участниками которой были государства-империи. Политическое развитие империй основывалось на формировании национальной государственности и территориальном, колониальном расширении. В экономическом отношении европейские колониальные империи были наиболее индустриально развитыми государствами той эпохи. Политика колониализма позволяла им контролировать важнейшие ресурсы и мировые торговые пути. Распространение империй, рост колоний стали своего рода предшественниками современной глобализации. Казалось бы, можно сказать, что империализация была ведущей тенденцией развития государственности на рубеже XIX-XX вв. Как указывали некоторые мыслители того времени (Н.Я. Данилевский, Дж.Р. Сили, Ч. Дилк и др.), мир будет окончательно поделен между несколькими империями. Тем не менее в современном мире империя выступает как архаизм (Япония) или как неуместная экзотика диктаторского режима (Центральноафриканская империя Ж. Бокассы в 1970-е годы).

Империя, трактуемая в качестве государства, охватывающего большие географические пространства, насильственно подчиняющего народы своей власти и ведущего агрессивную внешнюю политику, ушла в историю. Ни одно современное государство не претендует на имперский статус, не заявляет об имперских амбициях, империи уже более не делят мир на сферы влияния. Причины кризиса империи составляют предмет самостоятельных исследований. Помимо экономических, социальных и геополитических факторов можно сказать, что империя-государство утратило свою легитимность, будучи скомпрометировано целым комплексом обстоятельств: от колониальной эксплуатации до милитаризма. Соответственно и прерогатива в сфере академического исследования империи, казалось бы, окончательно перешла к историкам.

Вместе с тем указанная трактовка не охватывает в полной мере содержания понятия империя, которое по-прежнему остается предметом дискуссий. Так, М. Дойл указывает на то, что империя предполагает контроль доминирующего общества [Doyle 1986: 12, 30]. Д. Филдхауз рассматривает империю в качестве результата действия политических, социальных, эмоциональных сил, вследствие чего на ментальном уровне укореняется имперская лояльность [Fieldhouse 1967]. А. Торнтон отмечал, что в основе имперской политики лежит комплексное сочетание силы, выгоды и цивилизации, ведущее к экспансии и господству более развитых народов [Thornton 1965]. Позднейшие исследователи связывают империю с установлением иерархического порядка (Д. Ливен, А. Мотиль, Р. Суни), в котором центральная власть нередко действует опосредованно, через элиты периферии (Ч. Тилли). Среди отечественных политических исследователей выделим Л.Б. Алаева, И.В. Бахлова, С.И. Каспэ, А.И. Миллера, Г.П. Федотова, в работах которых имперская проблематика рассматривается с разных позиций и в рамках анализа отечественного опыта имперского государственного строительства и политики.

Для целей настоящей статьи империю можно определить в качестве особого типа государства и политики на основе автократического господства центра по отношению к гетерогенным перифериям, концентрации политической власти, ее ресурсов и их монопольного использования и контроля со стороны консолидированной имперской элиты.

Политическая наука сохраняет интерес к империи как одной из наиболее значимых форм политики, организации и реализации политической власти. В значительной степени это обусловлено сохраняющимся социально-экономическим и политическим неравенством между народами, геополитической экспансией и политикой контроля, по-прежнему имеющими место в современной политике.

Более удачно сложилась судьба у термина “империя” в сферах СМИ, научно-популярной литературы, публицистики, зачастую для придания негативной характеристики тому или иному государству в зависимости от пристрастий автора. Все чаще категория “империя” применяется в политических исследованиях. Предпринимаются попытки актуализировать и объективировать данную категорию, придать ей новое, применительно к современным реалиям, содержание. Наиболее значимые исследования такого плана будут рассмотрены в данной статье.

В качестве причины актуальности имперской тематики политических исследований следует указать процессы глобализации и транснациональной интеграции. Глобализация, выражающаяся в нарастании экономической, торговой, финансовой взаимосвязанности и взаимозависимости участников мирового рынка, а также сопутствующие ей процессы (развитие коммуникаций, деятельность транснациональных корпораций, офшоризация и др.) деструктивно влияют на государственный суверенитет. Политическая карта мира, разделенного на суверенные государства, несмотря на распространение особых режимов трансграничной коммуникации, во все меньшей степени соответствует их глобальной связанности и зависимости от мировых центров капитала.

Наряду с этим сохраняется тенденция формирования наднациональных структур управления в рамках межправительственных региональных организаций. Эти процессы во многом вдохновлены успехом НАТО и ЕС (хотя данные организации переживают не самые лучшие времена, в частности, в отношении НАТО можно говорить о кризисе целеполагания). Они находят свое новое выражение в разных регионах: на Ближнем Востоке (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива), в Латинской Америке (Союз южноамериканских наций) и др. В определенной мере их развитие отражает трудности национально-государственного развития и стремление их участников сохранить влияние на собственное положение в региональных, а возможно, и мировых политических процессах.

В общем, в условиях глобализации, когда, казалось бы, национальная государственность утрачивает свое значение, возникает проблема поиска наиболее адекватной формы новой политической организации, в которой национально-государственные ограничения не имеют существенного значения. В связи с этим достаточно закономерно актуализируется тема империи, имперский дискурс, обращение к ее опыту как универсалистской гетерогенной политической организации.

Не менее важным обстоятельством, определяющим актуальность и исследовательский интерес к имперской проблематике, является гегемонистская политика США. Сама по себе данная тема выступает предметом ряда исследований в сфере международных отношений. Для настоящей статьи значимо то, что в XXI в. гегемония США приобрела такое качество, что ее имперский характер получает все более основательные подтверждения [Мюнклер 2015].

Исследования имперской проблематики актуальны и для России. На современном этапе развития российской государственности идет процесс новой национальной консолидации. Успешное завершение этого процесса невоз-

можно без учета историко-культурных особенностей России, сохранения преемственности с исторически предшествующими формами отечественной государственности – Российской империей и Советским Союзом. Кроме того, в значительной степени от адекватного представления об империи как о государстве и политике, зависят правильное целеполагание национального развития и сохранение государственного суверенитета. Здесь речь может идти о необоснованных имперских проектах, избегании “имперского перенапряжения” и о сохранении государственного суверенитета в условиях гегемонистской политики США и других мировых центров силы.

Интегральной целью настоящей статьи выступает анализ концепта “империя”, его актуализация и проблемы применения в политической науке для описания современных политических реалий. Статья рассматривает наиболее значимые исследования последних лет, предпринятые отечественными и зарубежными авторами, в которых концепт “империя” применяется для описания современных политических институтов и процессов.

В статье империя характеризуется как понятие и концепт политической науки. Лингвокультурологическая трактовка данного термина связана с представлениями об универсальном политическом господстве, включая и сопряженные с этим негативные коннотации. Последние сформировались преимущественно в постколониальном дискурсе и связаны с присущим отношениям метрополии и колониально зависимых территорий характером экономического и политического неравноправия, подавлением метрополией национального развития и суверенитета зависимых территорий, внешним контролем и экспансионизмом с ее стороны. Обращение к концепту империи оправдано тем, что рассматриваемые дискуссионные вопросы применения данного понятия, его содержательного наполнения указывают на проблемный и оценочный характер его интерпретации. Концепт империи вовлечен в процесс идеологизации общественного сознания, его властная трактовка в значительной степени призвана легитимировать политическую реальность. Причем речь идет не только о политических дискурсах, связанных с “оправданием” гегемонистских притязаний США, но и о властных дискурсах прибалтийских республик, Украины, некоторых других восточноевропейских стран. Для этих государств указания на “имперское прошлое”, а в последние годы и об “имперской угрозе”, якобы исходящей от России, призваны легитимизовать ориентацию их политики на США и НАТО.

Империя как особая форма государства имеет две основные трактовки. В соответствии с одной, империю характеризует прежде всего диктаторская власть центра по отношению к периферии. Имперский центр осуществляет политическое и военное подавление периферии, поддерживает такой порядок вещей за счет ее ресурсов и эксплуатации. Такое понимание империи находит подтверждение в практике политики и управления колониальными империями Нового времени.

Центр-периферийная модель империи-государства получает развитие в трудах исследователей школы мир-системного анализа (И. Валлерстайн, Дж. Арриги). Своего рода предельное выражение такого понимания империи демонстрируют результаты работы М. Хардта и А. Негри [Хардт, Негри 2004; 2006]. Поиск империи в современности привел в последнем случае к практически полной деконструкции субъекта имперского господства, его растворению в сетевом мировом капитале. В результате империя выпадает из предметного поля политической науки и становится метафорой глобального управления.

В соответствии с другой точкой зрения империя — это идеократия, такое государство, в котором идея (в современную эпоху — идеология) имеет определяющее значение для политических действий. В этой трактовке империя-государство приобретает мессианское и телеологическое содержание. Наиболее ярко такая трактовка проявляется у евразийцев (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой), а также в работах ряда современных исследователей (С.В. Лурье, О.Б. Подвинцева, И.Г. Яковенко и др.). Свойственный империям универсализм — стремление к включению в имперское пространство всех народов Ойкумены — абсолютизируется. При этом идеократическое понимание империи-государства зачастую связывает данный политический субъект с цивилизацией, причем как локальной, так и всемирной.

Следует указать на то, что рассмотренные подходы к пониманию империи противоположны, что можно проиллюстрировать, например, коллизией в вопросе об имперской природе Советского Союза. Сторонники “идеологической трактовки” рассматривают СССР в качестве империи, обоснованно указывая на существенное значение идеологии в формировании и развитии этого государства. С позиции другого подхода, СССР не может считаться империей не только в силу прогрессивного, социалистического, а также федеративного характера его государственности, но главным образом в связи с тем, что центр значительное внимание уделял периферии, за счет чего республики СССР сделали значительный скачок в модернизационном развитии, немислимый для классических колониальных империй. Вопрос об имперской природе СССР остается дискуссионным в политической и исторической науке (по данной теме обращают на себя внимание исследования М. Бейсингера, Д. Ливена, А.К. Сорокина, Р.Г. Суни, В.А. Тишкова и др.). С одной стороны, можно указать на ряд признаков империи, присущих СССР: территориальные масштабы и экспансия, разные формы контроля со стороны центра, иерархия суверенитетов, формирование лояльной идентичности (советский народ) и новых элит, другие признаки. С другой стороны, политика развития национальных идентичностей (*affirmative action*) [Мартин 2011], в том числе поощрения государственности, позволяет говорить о существенных особенностях имперского статуса СССР.

Центр-периферийный и идеократический подходы следует рассматривать не как взаимоисключающие, а в качестве дополняющих друг друга. Об этом свидетельствуют результаты исследований С.И. Каспэ, рассматривающего наличие сверхмощного институционального и ценностного макросоциального центра в качестве первого и ведущего признака империи. Мощь имперского центра обеспечивается восприятием его “как канала связи с трансцендентным началом, трансляции сакральных смыслов и их конвертации в политическое действие” [Каспэ 2007: 51, 53]. Такой синтез в понимании империи приводит исследователя к выводам о суррогатной природе колониальных империй и образовании в условиях глобализации универсальной империи Запада во главе с США [там же: 285]. Нельзя не отметить сходство в выводах отечественного исследователя и М. Хардта и А. Негри: они указывают на формирование глобального политического субъекта — империи, но при этом происходит окончательный разрыв связи понятий “империя” и “государство”. Можно сказать, что империя теряет свою субъектность, выраженную через государство. К сожалению, авторы в этих работах не смогли найти вполне адекватную замену государству как политической форме империи: в частности, США не рассматриваются как полностью тождественное империи образование.

В исследовании Хардта и Негри империя практически растворяется в глобальных сетях и ее власть представлена лишь скрытым влиянием.

Применение указанных подходов к современным политическим реалиям сталкивается и с другими трудностями. Проблемы применения центр-периферийного подхода связаны с тем, что его методологическая основа — мир-системный анализ — увязывает современность с упразднением мир-империй и переходом к единой мир-экономике, в которой империям нет места, если это не “империя” в трактовке М. Хардта и А. Негри.

Идеократическая трактовка империи также лишается своего содержания не только в силу состоявшейся десакрализации политической сферы, но и вообще деидеологизации современной государственности и политики.

В связи с этим заслуживает внимания позиция И.В. Кривушина, который говорит о том, что невозможно выявить какую-либо “общую модель” империи, которую можно было бы приложить к тем или иным государствам, чтобы судить о возможности отнесения их к империям [Кривушин 2008: 21, 27-29]. Соответственно не существует некоего единообразного феномена “империи вообще”, а есть много исторически разных империй. В определенной степени такой подход дает возможность достаточно широкого применения понятия “империя” и к современным реалиям.

Тем не менее современные политические исследования продолжают использовать концепт “империя” в тех или иных построениях, по-прежнему связывая его с государством или союзом государств.

Представители современной зарубежной политической науки применяют термин “империя” к ряду ведущих государств, их объединений. В этой интерпретации “империя” синонимична такой категории, как “центр силы”.

В этом плане показательны работы Я. Зелонки, Ж. Коломера, Э. Тодда, Н. Фергюсона, П. Ханна и ряда других, в которых имперское отождествляется с великодержавным. С этим же в значительной мере связывается способность и возможность империи оказывать воздействие на глобализационные процессы.

В качестве примера такого подхода к применению концепта империи к современным реалиям можно рассмотреть труд Ж. Коломера. Исследователь выделяет три группы государственно-политических образований в современном мире: великие империи, суверенные государства и малые нации. Основным критерием такой классификации современных государств выступает их роль в миросистеме [Colomer 2007: II-XIII]. Империи занимают господствующее положение в мире и обладают следующими основными характеристиками: очень большой размер (территория, население), отсутствие постоянных границ, соединение разнообразных территориальных образований, использование многоуровневой, зачастую пересекающейся юрисдикции. При этом размеры политического образования напрямую связаны со степенью его демократичности, исключение автор делает для США и ЕС [Colomer 2007: X, 3, 58]. По мнению испанского исследователя, в современном мире действует имперский тренд, выражающийся в том, что увеличиваются не только территория и население, подконтрольные имперским образованиям, но и возрастает их число.

Серьезным дефектом построений Ж. Коломера является то, что государства, отнесенные им к числу современных “империй” (США, Китай, ЕС, Япония, Россия), имеют достаточно серьезные различия как в части внутренней политической организации, так и в роли в мировой политике. И.М. Бусыгина отмечает, что испанский исследователь не смог представить

надежных критериев выделения современных империй: сходства между ними поверхностны, а различия – существенны. Кроме того, по мнению Ирины Бусыгиной, исследователь не учитывает того, что для империи характерны иерархия и преобладание вертикальных связей в структурировании имперского пространства: данная ошибка приводит Ж. Коломера к отнесению ЕС к числу имперских образований [Бусыгина 2008: 259–262].

Ж. Коломер необоснованно ограничивает содержание империи, связывая ее в значительной степени с политикой силы и влияния. В этом автор видит существенную сторону имперскости. Другие составляющие имперской государственности и политики, такие как центр-периферийные отношения, особая идеология, имперское управление, колонизация, вовлечение элит, остаются вне его внимания. Представляется также, что автор упрощенно подходит к вопросу взаимосвязи имперского и национального, что влечет за собой непоследовательные выводы о демократичности государств, относимых им к числу современных империй.

Для перечисленных исследователей “империя” олицетворяет скорее идеологему великодержавия, нежели является концептуальной категорией, выражающей способность одних государств концентрировать политику и ее ресурсы за счет других.

В 2000–2010-х годах некоторые американские исследователи сделали попытку увязать гегемонистские притязания и усилия США с концептом империи. В эти годы вышел ряд работ, представляющих апологетику или критику США не просто как супердержавы, а империи, ответственной за формирование нового миропорядка. Исследователи неоконсервативной направленности, такие как М. Бут, Ч. Краутхамер, Ч. Фэйрбэнкс, Р. Каплан, определяют империалистическую стратегию США как одинокой сверхдержавы в мире, где действуют гоббсовские законы “войны всех против всех”. В этих условиях “момента однополярности” (Ч. Краутхамер) США получили возможность упорядочить мир, установить в нем новый “либеральный” порядок и “мудрое” управление (М. Бут). В значительной степени имперская риторика указанных и ряда других публикаций была фоном, на котором администрация Дж. Буша-мл. пыталась перейти к стратегии односторонних действий [Chaudet, Parmentier, Pelopidas 2009; Krauthammer 2002; Boot 2003; Коннелли 2006].

Сравнение США с Римской, а также с Британской империями стало традиционным в работах зарубежных политологов. Так, А. Басевич пишет о том, что после почти века борьбы Америка вышла победителем и величайшей державой во всей истории человечества: США – единственная сверхдержава наподобие Рима и Британии, и свои отношения с миром США должны строить как исключительная и уникальная нация. В его книге 2002 г. “American Empire...” достаточно ясно и последовательно проводится мысль о новом мировом порядке, установленном неоимперским центром, стремящимся теперь диктовать свои условия всем остальным государствам и противостоящим “новым варварам”, представленным главным образом государствами-изгоями и радикальными маргинальными группировками [Bacevich 2002]. В таком понимании империя – это вовсе не метафора, а констатация нового мирового порядка, нового центра, периферий, границ и “варваров”, оставшихся за их пределами.

Показательна позиция Дж. Фридмана, который настаивает на необходимости утверждения имперской роли Америки: США – гарант мировой экономики, и их центральное положение в системе современных коммуникаций придает им качество новой метрополии современного мира. Прочной

же гарантией такого положения является превосходство США по параметрам геополитической мощи [Фридман 2011: 29-36, 43].

Вместе с тем в американской политической науке сложилось направление, скептически оценивающее реализуемость имперских амбиций США. К числу представителей данного направления можно отнести Дж. Айкенберри, Б. Барбера, Дж. Ная-мл., М. Манна, Д. Харви и других исследователей [Ikenberry 2002; Barber 2003; Най-мл. 2003; Mann 2005; Harvey 2003]. В работах этих авторов также рассматриваются вопросы измерения имперской мощи.

Так, автор теории “мягкой силы” Дж. Най-мл. полагает, что империя требует слишком большого расхода мягкой силы. Дж. Най-мл. вполне обоснованно связывает атрибуты империи с государственной силой и показывает ограниченность имперских возможностей в современном сложном мире. Дж. Айкенберри, показывая неоимперскую составляющую в американской политической униполярности, отмечает, что США самонадеянно присваивают глобальную роль установления стандартов, определения угроз, использования силы и источника справедливости. Неоимперская политика не дает США преимуществ, а скрывает в себе опасности при реализации американских интересов. Более последователен М. Манн, который исходит из того, что эпоха империй закончилась, и ни по одному параметру мощи – военному, экономическому, политическому и идеологическому – США не могут претендовать на доминирование в современном мире.

В таком понимании имперское наделяется политической формой – государством – США; эта политическая форма и есть центр современной империи, вокруг которого сосредотачиваются государства-союзники и государства-клиенты, более или менее политически самостоятельные элементы периферии. Сам же концепт “имперскости” связывается с представлениями о США как гипердержаве, с реальными или желаемыми воззрениями об отсутствии иных центров силы, способных составить альтернативы влиянию этого государства, противостоять утверждению его монополии на реализацию политической власти на глобальном уровне.

Империя получает новую трактовку, которую можно назвать геополитической. Во многом ее появление стало отражением в западной политической науке трансформаций постбиполярной эпохи, связанных с политикой США как единственной сверхдержавы – гипердержавы, ведущего государства современного мира. Используя концепт империи, апологеты и скептики мощи США стремятся подчеркнуть исключительность самой Америки, ее глобальные геополитические амбиции. Во многом вследствие этого среди целого комплекса признаков империи как особой формы государства приоритет отдается наличию мощи (политической, военной, экономической и т.п.), что не является исключительным признаком империи.

Такой подход отличает методологическая слабость. Представляется, что американские исследователи стремятся избежать конкретики, которая связана с использованием понятий, описывающих политику США более точно. Содержание понятия “империя” смешивается, а порой и подменяется понятиями “гегемония”, “центр силы”, “унилатерализм”. Содержание анализируемого понятия иное, критерии империи разрабатываются преимущественно в рамках других направлений политической науки. Уточним, что империя может выступать в указанных качествах, но не обязательно, и данный вопрос требует отдельного внимания.

В российской политической науке применение концепта империи к современным политическим реалиям не получило широкого распространения.

Исследования по данной проблематике достаточно активно проводятся, но имеют теоретический и историософский характер. В центре внимания отечественных исследователей феномена империи находятся проблемы сущности имперской государственности, соотносимости имперского в политике и модернизационных процессов. Тем не менее все более активное обращение к концепту империи в западных исследованиях определило необходимость исследования таких работ и их критического анализа.

Так, Э.Я. Баталов в своей статье 2003 г. подробно анализирует “имперское” направление американской политической мысли рубежа XX – XXI вв., позиции сторонников и противников имперской миссии США [Баталов 2003: 9-28]. Исследователь не только показывает теоретическую слабость применения концепта империи к современной Америке, указывая на то, что многие авторы отделились от смысла данного понятия, но и проводит анализ возможности такого определения в отношении США. Вывод Э.Я. Баталова вполне определен: империя формируется в отношениях центр–периферия, возникающих в результате подчинения или колонизации. Отечественные исследователи отмечают, что, несмотря на снижение интенсивности имперского дискурса, политике Вашингтона последних лет свойственны гегемонистские устремления, во многом корреспондирующие выводам, сделанным в рассмотренных выше работах. При этом Америка оказывается неготовой принять и реализовать бремя лидерства и ответственности. Политика США свидетельствует о стремлении преследовать лишь собственные интересы (“выгоду”), причем не всегда последовательно и успешно. Имперская политика представляет собой комплекс направлений деятельности по установлению политического господства, в то время как в политике США сегодня все большую роль играет военно-силовой фактор (см. напр. [Шаклеина 2015; Шишков 2017; Posen 2018]). Вывод, очевидный для автора: с научных позиций к США такая характеристика, как “империя”, неприменима.

С точки зрения Э.Я. Баталова, об “Американской империи” можно говорить как о центре складывающейся глобальной политической системы. Система американской гегемонии направлена на то, чтобы предотвратить появление иных центров. Иными словами, использование образа “империи США” – это попытка выдать желаемое за действительное, но ей сопутствуют имперские амбиции и ощущение собственного мессианства. Отметим также и то, что в 2000-х годах стратегия “односторонних действий” выглядела шагом по пути к укреплению имперской гегемонии США, наглядной демонстрацией чего стало вторжение в Ирак (2003 г.). В современных условиях нет оснований говорить о том, что США отказались от этой политики с учетом последовавшего вооруженного вмешательства в Ливии (2011 г.), нагнетания напряженности в отношении Ирана и Северной Кореи, не говоря об ухудшающихся отношениях с Россией.

А.В. Магун ставит вопрос о возрастающей потребности переосмыслить содержание концепта империи [Магун 2007: 63-80]. Причину обращения к использованию такого архаичного понятия, как “империя”, для описания современной политики исследователь видит в состоянии мировой неопределенности и в обусловленных данным положением сложностях в восприятии текущих политических процессов. Современное состояние, с позиции автора, может быть охарактеризовано в качестве постреволюционного кризиса (имеются в виду события 1980-1990-х годов). “Революция” – подлинная деятельность – противопоставляется “империи” – активной пассивности. Отметим, что Петровские реформы,

имевшие характер революции, приведшие к имперскому развитию России, не могут быть охарактеризованы в качестве периода “активной пассивности”.

При этом А.В. Магун проводит параллель между современной глобализацией и имперской политикой начала XIX в., когда в постреволюционное время термин “империя” также оказался востребованным в политическом лексиконе. Хотя тезис автора о революционности перемен конца XX в. представляется дискуссионным, поскольку в отличие от событий конца XVIII – начала XIX вв. они не привели к развитию новой формации общественных отношений, положение о том, что новое обращение к концепту империи есть показатель нестабильности мировой политики, имеет под собой основания. Наступательный характер политики США, наиболее ярко выражающийся в применении вооруженной силы, вмешательстве во внутренние дела суверенных государств, в значительной степени является отражением неуверенности в собственных силах и ощущения неустойчивости собственного внешне- и внутриполитических позиций. В связи с этим еще раз укажем на эрозию и размытость классического содержания понятия “империя”, отмечаемую в западных публикациях, и активную дискуссию о пределах мощи США и опасности имперского перенапряжения.

В последние годы тема империи получила актуализацию применительно к России. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г., обострение отношений с США и их союзниками в Европе дало повод для обсуждения вопроса о России как об агрессивной имперской державе, хотя такая трактовка событий игнорирует то обстоятельство, что это событие стало следствием волеизъявления жителей полуострова на референдуме. Тезисы, представляемые в обоснование такой позиции, критически рассмотрены в статье А.В. Бузгалина и соавторов “Россия: новая империалистическая держава?” [Бузгалин, Колганов, Барашкова 2016], где подробно проанализированы основания для наделения какого-либо государства атрибутами имперской природы. Авторы, рассмотрев критерии, по которым Россию можно было бы отнести к числу современных империй, приходят к выводу, что Россия таковой не является. Внимания заслуживает методология, в рамках которой осуществлялось исследование и отбирались критерии для анализа. Авторы развивают концепцию “нового империализма”, возникающего вследствие перенакопления капитала в национальных пределах и выхода крупного капитала на международный уровень в качестве важнейшего регулятора, устанавливающего “правила игры” и контролирующего мировую финансовую систему. Они исходят из того, что в разные эпохи проявления имперского в политике могут быть различны. На современном этапе происходит трансформация “неолиберальной глобализации в протоимперское состояние [там же: 75].

С этой позиции империализм выступает основным признаком, по которому то или иное государство, группа государств или корпорации могут быть отнесены к числу современных протоимперий. Характеристика империи как государства, ведущего империалистическую политику, сформировалась в конце XIX в. В.И. Ленин указывал на то, что империализм полностью определялся монополистическим капитализмом. К. Поланьи связывал империализм с расширением рынков и протекционизмом колониальных империй. Й. Шумпетер видел в империализме иррациональное стремление к территориальным захватам, чуждое современности [Гобсон 1927: 2, 22-23; Ленин 1969: 315; Поланьи 2002: 236; Schumpeter 1955: 65]. Современная глобализация стала во многом следствием и в то же время отрицанием классического империализма. Тем не менее представляется, что А.В. Бузгалин

с соавторами в публикации 2016 г. связывают статус новой империалистической державы не столько с политикой империализма, сколько с принадлежностью субъекта “центру” миросистемы, что определяет способность “протоимперии” диктовать свои “правила игры” [Бузгалин, Колганов, Барашкова 2016].

Предоставление безусловного приоритета в раскрытии содержания концепта “империя” империализму, т.е. экономической составляющей, не представляется в полной мере оправданным и приводит к размыванию самого понятия “империализм”, а перечисленные исследователи империализма значительно различаются в его трактовках. С середины XIX в. по середину XX в. в Великобритании смысл данного понятия многократно менялся. Кроме того, классический империализм эволюционировал под влиянием глобализационных процессов XX в. С учетом этого связь империализма, в его такой широкой трактовке, и “империи” не выглядит безусловной.

Кроме того, основываясь на работе Д. Филдхауза [Fieldhouse 1973], следует указать на то, что связь империи и империализма не является непосредственной, поскольку действие экономических факторов не вызывало само по себе имперской экспансии, которую с данных позиций можно охарактеризовать как геополитическую и цивилизационную. Имперская политика не исчерпывается империализмом, а последний не является непременным атрибутом империи.

Реализовать “новый империализм” в полной мере способны только государства и союзы, относящиеся к “центру”, обеспечивая в политическом и военном аспектах деятельность крупного капитала в отношении других стран (полупериферии и периферии) по извлечению “империалистической ренты”. “Центр” же состоит из “стран, из союзов, сетей глобальных игроков” [Бузгалин, Колганов, Барашкова 2016: 83]. В этом определении “центра” заметна некоторая тавтология. Неслучайно они вынуждены прямо указывать, каких субъектов имеют в виду – США, союз ведущих государств Европы, крупные корпорации, их сети. В связи с этим один из главных тезисов авторов состоит о том, что Россия – не империалистическая держава, поскольку не входит в число государств “центра”, не выглядит обоснованным в той степени, какой это требует текущая внешнеполитическая ситуация.

Исследователи дополнительно рассматривают и другие основания, по которым их оппоненты относят Россию к числу имперских государств: военно-политические, политико-идеологические, политико-экономические и геополитические, приводя при этом соответствующие контраргументы. Представляется, что анализ перечисленных признаков наиболее последовательно показывает необоснованность характеристики российской политики в качестве империалистической. При этом дискуссионной выглядит позиция авторов о полупериферийной позиции России, ее значительной зависимости от “центра”.

Характеристика России в качестве империи, а тем более империалистической державы, не имеет под собой сколько-нибудь серьезных оснований. Имперская государственность и политика не могут не иметь в качестве своей основы политический интерес особого рода – имперский интерес, который связан не только с распространением господства, но и с концентрацией политических, экономических и других ресурсов. Во многом этим определялся авторитарный характер власти колониальных империй (например, Великобритании) на периферии, хотя метрополия зачастую последовательно продвигалась к демократически выстроенному, по современным представлениям, государству. Следует ли рассматривать события 2014 г. в качестве имперского рецидива

(как это зачастую трактуется в западной литературе)? Представляется, что ответ будет отрицательным. Воссоединение Крыма с Россией стало единичным явлением, соответствующим национально-государственным интересам и обеспечению безопасности, а не реализацией политики имперской экспансии.

Внутреннее устройство империи, господство имперского центра над периферией, построение ее иерархии – не менее значимый признак, чем геополитические устремления. Россия – сложносоставное, федеративное государство, форма его территориального устройства во многом унаследована от СССР. В отличие от классических империй, современная Россия не имеет выраженного, консолидированного центра (метрополии), от лица которой реализуется имперское доминирование. Кроме того, России не присущи имперская идеология, цивилизаторские претензии, а неравномерность социально-экономического развития регионов рассматривается в качестве угрозы. Представляется, что в силу данных обстоятельств Россия не может быть охарактеризована в качестве имперского государства.

Подводя итоги, следует признать: несмотря на то, что понятие “империя” в значительной степени вернулось в категориальный аппарат современной отечественной и зарубежной политической науки, оно еще не обрело, применительно к современности, вполне достоверного и непротиворечивого концептуального содержания. Попытки применить термин “империя”, лишенный такого содержания, к политическим реалиям, сталкиваются с трудностями теоретико-методологического порядка.

Так, “империя” может трактоваться как сеть глобальной власти и управления, центр современной миросистемы, непосредственно связываться с империализмом или же выступать синонимом гегемонистских устремлений США или иных государств, их союзов. С таких позиций концепт “империя”, выражающий универсальный характер политических амбиций, включающий ряд других критериев, лишается своего содержания и не находит в современности однозначно определенного субъекта, конкретного государства. В этом отношении рассмотренные трактовки близки друг другу. Различия же их во многом связаны с идеологическими предпочтениями консервативного или либерального толка, в зависимости от них проводится линия апологетики империи или, напротив, ее критика, порицание.

Наиболее существенный вклад в разработку теории империи был сделан в исследованиях, выполненных на пересечении политической и исторической науки. В их рамках сформированы подходы к изучению империи, ее содержание и критерии, их результаты могут быть использованы при анализе современной имперской проблематики. Игнорирование теоретических основ обуславливает слабости методологического порядка, концептуально ограниченное применение понятия “империя”, приписывание нехарактерных для нее свойств, пробелы и противоречивость в теоретических построениях. Во многом, отметим, с этим обстоятельством связана указанная амбивалентность в оценках имперской природы СССР и сегодняшней России.

С позиции политического анализа империя – это не только, а в нынешних условиях – не сколько особая форма государства, сколько тип политики. В основе такой политики находятся имперские политические интересы, связанные с установлением господства, управления и контроля в рамках центр-периферийных отношений, которые в полной мере могут реализоваться только при надлежащей

легитимации. Научный поиск в данном направлении может способствовать реконцептуализации категории “империя” в политологическом дискурсе.

Баталов Э.Я. 2003. Америка: страсти по империи. — *Свободная мысль — XXI*. № 12. С. 9-28.

Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. 2016. Россия: новая империалистическая держава? — *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 74-87. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.06>

Бусыгина И.М. 2008. Великие империи, малые нации. Неясное будущее суверенного государства. — *Неприкосновенный запас*. № 3. С. 259-262.

Гобсон Дж. 1927. *Империализм*. Ленинград: Рабочее Издательство “Прибой”. 286 с.

Каспэ С.И. 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. М.: Московская школа политических исследований. 320 с.

Коннелли М. 2006. Новые империалисты. — *ПРОГНОЗИС*. № 4. С. 120-186.

Кривушин И.В. 2009. В погоне за фантомом? Проблема империй в исследовательской перспективе. — *Имперский вопрос — национальный ответ*. Отв. ред. А.Л. Рябинин. М.: ГУ ВШЭ. С. 21-29.

Ленин В.И. 1969. Империализм, как высшая стадия капитализма. (Популярный очерк). — Ленин В.И. *Полное собрание сочинений. Издание пятое*. Т. 27. М.: Издательство политической литературы. С. 299-426.

Магун А.В. 2007. Империализация (Понятие империи и современный мир). — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 63-80. <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.05>

Мартин Т. 2011. *Империя “положительной деятельности”*. *Нации и национализм в СССР, 1923-1939*. М.: РОССПЭН. 663 с.

Мюнклер Г. 2015. *Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США*. М.: Кучково поле. 400 с.

Най-мл. Дж. 2003. После Ирака: мощь и стратегия США. — *Россия в глобальной политике*. № 3. С. 86-101.

Поланьи К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя. 320 с.

Фридман Дж. 2011. *Следующие 10 лет. 2011-2021*. М.: ЭКСМО. 320 с.

Хардт М., Негри А. 2004. *Империя*. М.: Праксис, 2004. 440 с.

Хардт М., Негри А. 2006. *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция. 559 с.

Шаклеина Т.А. 2015. Лидерство и современный мировой порядок: нужен ли миру лидер. — *Международные процессы*. Т. 13. № 4. С. 6-19.

Шишков В.В. 2017. Кризис глобальной гегемонии: перенапряжение гипердержавности США в XXI в. — *Вестник МГИМО-Университета*. 2017. № 1. С. 36-56. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-1-52-36-56>

Vacevich A.J. 2002. *American Empire: The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy*. Harvard (Mass.), London: Harvard University Press. 312 p.

Barber B.R. 2003. *Fear's Empire. War, Terrorism, and Democracy*. New York, London: W.W. Norton & Co. 253 p.

Boot M. 2003. Neither New nor Nefarious: The Liberal Empire Strikes Back. — *Current History. A Journal of Contemporary World Affairs*. Vol. 102. No. 667. P. 361-367.

Chaudet D., Parmentier F., Pélopidas B. 2009. *When Empire Meets Nationalism: Power Politics in the US and Russia*. Farnham: Ashgate Publishing Ltd. 226 p.

Colomer J.M. 2007. *Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State*. London, New York: Routledge. 114 p.

Doyle M.W. 1986. *Empires*. Ithaca: Cornell University Press. 408 p.

Fieldhouse D.K. 1967. *The Colonial Empire; a Comparative Survey from the Eighteenth Century*. New York: Delacorte Press. 450 p.

Fieldhouse D.K. 1973. *Economics and Empire, 1830-1914*. Ithaca, New York: Cornell University Press. 527 p.

Harvey D. 2003. *The New Imperialism*. Oxford, New York: Oxford University Press. 253 p.

Ikenberry G.J. 2002. America's Imperial Ambition. – *Foreign Affairs*. Vol. 81. No. 5. P. 44–60. <https://doi.org/10.2307/20033268>

Krauthammer C. Winter 2002. The Unipolar Moment Revisited. – *National Interest*. Vol. 70. P. 5–17.

Mann M. 2005. *Incoherent Empire*. London, New York: Verso. 278 p.

Posen B.R. 2018. The Rise of Illiberal Hegemony: Trump's Surprising Grand Strategy. – *Foreign Affairs*. Vol. 97. No. 2. P. 20–27.

Schumpeter J. 1955. *Imperialism & Social Classes. Two Essays by Joseph Schumpeter*. Cleveland, New York: Meridian Books; The World Publishing Company. 182 p.

Thornton A.P. 1965. *Doctrines of Imperialism*. New York: John Wiley and Sons. 246 p.

DOI: 10.17976/jpps/2018.04.03

EMPIRE AS A NOTION AND CONCEPT OF MODERN POLITICAL SCIENCE: THE PROBLEMS OF INTERPRETATION

V.V. Shishkov¹

¹*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russia*

SHISHKOV Vasilii Valer'evich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), assistant professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Email: fh55@mail.ru

Shishkov V.V. Empire as a Notion and Concept of Modern Political Science: The Problems of Interpretation. – *Polis. Political Studies*. 2018. No. 4. P. 22–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.03>

Received: 19.10.2017. Accepted: 27.03.2018

Abstract. The article deals with the problems associated with the actualization of the empire theme in contemporary political studies with reference to current political processes. The empire is explored as a concept of political science and as a notion. The term “empire” denotes a special type of state that has universalist political claims and a structure of political institutions that ensures the concentration of power and its resources. The concept of “empire” is characterized by negative connotations, as well as ambiguity of interpretations as applied to the present. Two main interpretations of the empire are considered: the ideocratic and the center-peripheral one. The methodological limitations associated with attempts to apply them in the analysis of modern political institutions are shown. Thus, the application of center-peripheral approach leads to the erosion of the picture of center itself, as a subject of politics and management. The ideocratic interpretation of the concept “empire” is limited by modern trends of the de-ideologization of the state. In American political science the concept of “empire” is actualized in connection with attempts to advocate the role of the U.S. in post-bipolar world politics, their attempts to establish the world hegemony. At the same time, the concept of “empire” is actually replaced by the established categorical apparatus for the study of international relations and is intended to emphasize the unique, in the opinion of foreign researchers, nature of U.S. domination. In other interpretations of modern imperialism, it is identified with the great power and is used to characterize a number of modern states and their alliances. In the article, conclusions are drawn about the serious theoretical and methodological difficulties of interpreting the empire as a concept of modern politics, connected not only with the complexity of the empire phenomenon itself, but also with the fact that the attempts considered are based on the concept of empires of the era of imperialism, a special period characterized by domination states-empires. It seems promising to consider the “empire” as a type of conceptualization of policy based on specific political interests, and its implementation is possible in the event of legitimization of its imperial nature.

Keywords: empire; imperialism; globalization; center-periphery; world-system; center of power; superpower; hyperpower.

References

Bacevich A.J. *American Empire: The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy*. Harvard (Mass), London: Harvard University Press. 2002. 312 p.

- Barber B.R. *Fear's Empire. War, Terrorism, and Democracy*. New York, London: W.W. Norton & Co. 2003. 253 p.
- Batalov E.Ya. America: Passion for the Empire. — *Svobodnaya mysl' – XXI*. 2003. No. 12. P. 9-28. (In Russ.)
- Boot M. Neither New nor Nefarious: The Liberal Empire Strikes Back. — *Current History. A Journal of Contemporary World Affairs*. 2003. Vol. 102. No. 667. P. 361-367.
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I., Barashkova O.V. Russia: New Imperialist Power? — *Polis. Political Studies*. 2016. No. 1. P. 74-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.06>
- Busygina I.M. Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of a Sovereign State. — *Neprikosnovennyi zapas*. 2008. No. 3. P. 259-262. (In Russ.)
- Chaudet D., Parmentier F., Pélopidas B. *When Empire Meets Nationalism: Power Politics in the US and Russia*. Farnham: Ashgate Publishing Ltd. 2009. 226 p.
- Colomer J.M. *Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State*. London, New York: Routledge. 2007. 114 p.
- Connelly M. The New Imperialists. (Russ. ed.: Connelly M. Novye imperialisty. — *Prognosis*. 2006. No. 4. P. 120-186.)
- Doyle M.W. *Empires*. Ithaca: Cornell University Press. 1986. 408 p.
- Fieldhouse D.K. *The Colonial Empire; a Comparative Survey from the Eighteenth Century*. New York: Delacorte Press. 1967. 450 p.
- Fieldhouse D.K. *Economics and Empire, 1830-1914*. Ithaca, New York: Cornell University Press. 1973. 527 p.
- Friedman G. The Next Decade. Where We've Been... And Where We're Going. (Russ. ed.: Friedman G. *Sleduyushchie 10 let. 2011-2021*. Moscow: EKSMO. 2011. 320 p.)
- Hardt M., Negri A. *Empire*. (Russ. ed.: Hardt M., Negri A. *Imperiya*. Moscow: Praxis. 2004. 440 p.)
- Hardt M., Negri A. *Multitude: War and Democracy in the Age of Empire*. (Russ. ed.: Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: voina i demokratiya v epokhu imperii*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. 2006. 559 p.)
- Harvey D. *The New Imperialism*. Oxford, New York: Oxford University Press. 2003. 253 p.
- Hobson J.A. *Imperialism*. (Russ. ed.: Hobson J.A. *Imperializm*. Leningrad: Rabochee Izdatel'stvo "Privoi". 1927. 286 p.)
- Ikenberry G.J. America's Imperial Ambition. — *Foreign Affairs*. 2002. Vol. 81. No. 5. P. 44-60. <https://doi.org/10.2307/20033268>
- Kaspe S.I. *Tsentry i ierarkhii: prostranstvennye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma* [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and Western Political Form]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 2007. 320 p. (In Russ.)
- Krauthammer C. The Unipolar Moment Revisited. — *National Interest*. Winter 2002. Vol. 70. P. 5-17.
- Krivushin I.V. V pogone za fantomom? Problema imperii v issledovatel'skoi perspective [In Pursuit of the Phantom? The Problem of Empires in the Research Perspective]. — *Imperskii vopros – natsional'nyi otvet*. Otv. red. A.L. Ryabinin [The Imperial Question – National Response. Ed. by A.L. Ryabinin]. Moscow: HSE Publishing House. 2009. P. 21-29. (In Russ.)
- Lenin V.I. Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma (Populyarnyi ocherk) [Imperialism, as the highest stage of capitalism. (A popular essay)]. — *Polnoye sobraniye sochineniy* [Full Collected Works]. Fifth ed. Vol. 27. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1969. P. 299-426. (In Russ.)
- Magun A.V. Imperialization (The Notion of Empire and the Modern World). — *Polis. Political Studies*. 2007. No. 2. P. 63-80. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.02.05>
- Mann M. *Incoherent Empire*. London, New York: Verso. 2005. 278 p.
- Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. (Russ. ed. Martin T. *Imperiya "polozhitel'noi deyatel'nosti"*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939*. Moscow: ROSSPEN Publishers. 2011. 663 p.)
- Münkler H. *Imperien. Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten*. (Russ. ed. Münkler H. *Imperii. Logika gosподства nad mirom: ot Drevnego Rima do SShA*. Moscow: Kuchkovo pole. 2015. 400 p.)
- Nye Jr. J. S. After Iraq: the Power and Strategy of the United States. (Russ. ed. Nye Jr. J.S. *Posle Iraka: moshch' i strategiya SShA*. — *Russia in Global Affairs*. 2003. No. 3. P. 86-101.)
- Polanyi K. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. (Russ. ed.: Polanyi K. *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni*. Saint Petersburg: Aletheia. 2002. 320 p.)
- Posen B.R. The Rise of Illiberal Hegemony: Trump's Surprising Grand Strategy. — *Foreign Affairs*. 2018. Vol. 97. No. 2. P. 20-27.
- Schumpeter J. *Imperialism & Social Classes. Two Essays by Joseph Schumpeter*. Cleveland, New York: Meridian Books; The World Publishing Company. 1955. 182 p.
- Shakleina T.A. Leadership and Contemporary World Order: Does the World Need a Leader. — *International Trends*. 2015. Vol. 13. No. 4. P. 6-19. (In Russ.)
- Shishkov V.V. Crisis of Global Hegemony: The Overstretch of us Hyperpower in the 21st Century. — *MGIMO Review of International Relations*. 2017. No. 1. P. 36-56. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-1-52-36-56>
- Thornton A.P. *Doctrines of Imperialism*. New York: John Wiley and Sons. 1965. 246 p.